



НАРУШАЯ ГРАНИЦЫ: СУДЬБА И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ РУССКИХ ФИЛОСОФОВ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Рецензия на: Перекрестки культур: Александр Койре, Александр Кожев, Исайя Берлин / Отв. ред.: О.Л. Грановская, Д.Н. Дроздова, А.М. Руткевич. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 558 с. (Философия России первой половины XX века)

Александра Бердникова

Институт философии РАН,
г. Москва

Для современного историко-философского дискурса одной из безусловно актуальных и важных тем является исследование диалога европейской и русской интеллектуальных традиций. В рамках этого диалога чаще всего принято вести речь о рецепции западной мысли в России (результатом чего становятся системные исследования, посвященные русскому шеллингианству, гегельянству, неокантианству, неолейбницианству и т.д.); чуть менее популярной, но от этого не теряющей своей важности в целом является и стратегия исследования рецепции русской мысли за рубежом, приобретающая особо актуальные масштабы в контексте изучения эмиграции отечественных мыслителей за рубеж после отплытия «философского парохода» в 1922 г. (и, в частности, связанная с исследованием европейского периода жизни и творчества С.Л. Франка, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, Л.П. Карсавина, С.Н. Булгакова и др.) [1; 2; 5; 8–10; 12–16].

Но, как показывает практика, этими двумя полярными точками многообразия межкультурного российско-западного философского диалога вовсе не ограничивалось, ярким примером чему является и данная монография, вышедшая в качестве 33-го тома известной серии «Философия России первой половины XX века» и посвященная трем мыслителям, творчество которых с полным правом можно считать полноценной, органичной частью западной культуры и интеллектуальной традиции, в то же время имеющей русские корни, о которых в данной связи вовсе нельзя забывать и исключать этот фактор из предполагаемого анализа их философского наследия. Речь идет о трех, возможно, не столь очевидно связанных между собой, но тем не менее репрезентативных в рамках данной темы в целом фигурах, которыми в данной книге выступают западные философы с русскими корнями: Александр Койре (1892–1964), Александр Кожев (1902–1968) и Исайя Берлин (1909–1997). Их творче-

ство, как подчеркивают составители рецензируемой книги (О.Л. Грановская, Д.Н. Дроздова и А.М. Руткевич¹), «как правило, очень редко включается в исследование философии русского зарубежья»; свой собственный же исследовательский подход они обозначают как «акцент... именно на “перекрестье культур”, проявляющемуся в жизненных путях этих европейских философов с русскими корнями» [11, с. 6].

Освещению судеб и основных моментов творческих биографий этих мыслителей посвящена основная содержательная часть рецензируемой книги, состоящая из трех больших разделов, каждый из которых включает в себя биографические сведения (достаточно емкие, несмотря на их краткость), исследования философских идей каждого из представленных мыслителей и приложения, к которым относятся переводы статей иностранных исследователей о Койре, Кожеве и Берлине, публикации и републикации их собственных работ, схематично и тезисно представленные основные вехи биографий трех мыслителей, библиографические списки как трудов самих философов, так и исследовательских работ о них.

Повествование о каждом из героев данной книги начинается в ней с его биографии, в которой исследователями выявляются основные вехи их творческого и жизненного пути. Примечательным здесь является и то, что эти биографические очерки во многом составлены с опорой на архивные материалы, что позволяет не только систематизировать уже ранее имевшиеся сведения, касающиеся как доэмигрантского, так и зарубежного этапов их жизни, но и прояснить некоторые ранее не выявленные факты. Это касается, например, эпизода биографии А. Койре, связанного с его участием в деятельности революционных кружков в 1907–1909 гг., а также его сотрудничества с партией эсеров и последующего за этим ареста и суда. Данный эпизод является по-своему примечательным и тем, что, именно находясь в тюремном заключении, шестнадцатилетний Койре впервые знакомится с идеями Э. Гуссерля: «Можно предположить, что именно в эти три недели тюремного заключения он и прочитал гуссерлевские “Логические исследования”, которые, вероятно, привез из состоявшейся незадолго до этого поездки в Германию (русский перевод первого тома появился лишь в 1909 году, когда Александр Койре находился уже на пути в Геттинген)» [11, с. 11; см. также 3]. На основе

¹ Стоит отметить, что, помимо прочего, в книге довольно широко представлена библиография исследовательских работ, посвященных каждому из ее героев. При этом ясно, что авторы-составители книги занимают в этом списке далеко не последнее место, особенно в отечественном источниковедении, касающемся исследования идей А. Койре, А. Кожева и И. Берлина. Помимо этого, можно отметить вклад в изучение творческого наследия этих мыслителей И.С. Куриловича, В.Н. Катасонова, В.С. Черняка, Л.Ю. Соколовой, А.В. Ямпольской и др. (работы, посвященные А. Койре), В.П. Визгина, И.А. Жиленкова (работы, посвященные А. Кожеву), М.Ю. Борисовой-Лебедевой, А.А. Каскова, И.О. Шайтанова (работы, посвященные И. Берлину). При этом список работ, посвященных исследованию творчества А. Кожева, в нашей стране является самым незначительным по количеству авторов, что также можно расценивать как широкое пространство для появления таковых трудов в будущем.

архивных источников (в частности, документов, обнаруженных в фондах ГАРФа) Д.Н. Дроздовой были также установлены даты этих более ранних поездок, совершенных А. Койре до ареста: 1905 и 1907 гг. [11, с. 11]. Освещая постэмиграционный период биографии Койре, автор делает акцент на его участии в «феноменологическом кружке» Э. Гуссерля [подр. см. 7] и знакомстве с французским философом Э. Мейерсоном (1859–1933), под влиянием которого у Койре возникает интерес к теории познания и истории науки. Отдельное внимание уделяется вкладу Койре в историю и теорию религии (А.В. Ямпольская) [11, с. 41–72], рецепции гегельянских идей в его творчестве (А.М. Руткевич) [11, с. 72–89]. Интересно, что в следующем очерке А.М. Руткевича [11, с. 90–105] раскрывается еще одна не до конца явная грань широкой палитры философских идей Койре, представляя его также в виде историка русской мысли. Анализ этой стороны деятельности философа проводится с опорой в качестве первоисточника в основном на его работу «Этюды об истории философской мысли в России» [17]. В рамках этих «Этюд» Койре затрагиваются разные периоды и сюжеты истории русской мысли: начало XIX века, шеллингианство, гегельянство, славянофильство, А.И. Герцен, П.Я. Чаадаев и т.д. Несмотря на тот факт, что данная книга «была написана для французского читателя, который чаще всего не имел ни малейшего представления о русской истории, литературе, философии» [11, с. 92], ее анализ добавляет характерные штрихи к ярко обозначенному в рецензируемой монографии портрету философа. Следующие очерки посвящены одним из важных тем творчества Койре: осмыслению феномена научной революции (в том числе и с опорой на исследования эпохи Средневековья, предпринятые, в частности, французским ученым П. Дюгемом) и выявлению места фигуры Г. Галилея в рассуждениях философа. Интересным материалом является и анализ эмигрантской публицистики Койре, выходявшей в Париже в 1920-е гг. (в частности, в русских эмигрантских изданиях «Звено», «Версты», возрожденном в 1925 г. «Логосе», а также во франкоязычном еврейском журнале «Менора»). Особого упоминания, на наш взгляд, здесь заслуживает публикация Койре статьи в честь 25-летней годовщины со дня смерти В.С. Соловьева в газете «Звено», вышедшей в январе 1926 г. [4].

Следующий «герой» данной книги, Александр Кожев (Александр Владимирович Кожевников), представляет не меньший исследовательский интерес как в контексте общей темы «перекрестков» российской и западной культур, так и в отрыве от нее. В отличие от достаточно широкого разброса очерков, посвященных А. Койре, творческая биография Кожева, как и многообразие его философских взглядов представлены в данной книге одной обзорной статьей под авторством А.М. Руткевича, сопоставимой по объему с небольшой монографией (5, с. 203–360). Здесь детально анализируются истоки гегельянства и философии истории Кожева, кроющиеся, по мнению исследователя, в «левом ницшеанстве», которое преобладало в России в годы перед мировой войной и революцией» [11, с. 210]. Интересно, что «русский след» или «исток» в биографии признанного классика французской мысли, на идеях которого «выросли» впоследствии концепции Ж. Батая, Ж. Лакана, Ж.-П. Сартра, А. Ка-

мю, М. Мерло-Понти и др., как и в случае с А. Койре, помимо очевидных и детально описанных в книге биографических данных, во многом был связан с фигурой В.С. Соловьева, идеям которого была посвящена первая диссертация Кожева (promotion, аналог нашей кандидатской), написанная им в Германии в 1924–1925 гг. и защищенная в 1926 г., послужившая во многом отправной точкой и для последующего развития его мысли (например, как полагает автор статьи, отголоски антропологии и философии истории Соловьева мы можем видеть в известной работе Кожева «Атеизм» (1931) и т.д.) [11, с. 220]. Указываются также идейные связи Кожева с евразийским движением и Л.П. Карсавиным, сформировавшиеся уже во время его эмиграции во Францию (1926–1934 гг.). Отдельно и очень подробно разбираются «гегельянские штудии» Кожева, особо актуальные в свете написанного им впоследствии труда «Введение в чтение Гегеля» (1947). Именно философия Гегеля, по мнению А.М. Руткевича, оказала решающее влияние на «превращение эмигранта Александра Владимировича Кожевникова во французского философа (а потом и государственного чиновника) Александра Кожева» [11, с. 231]. Большой раздел текста посвящен толкованию Кожевным «Феноменологии духа» Гегеля, на базе которого формировалось и собственное учение философа, которое, как считает А.М. Руткевич, он «излагал в гегелевских терминах, но «мог бы, при желании, изложить и в терминах “философии жизни”» А. Бергсона («жизненный порыв») и Ф. Ницше («воля к власти»), дополняя при этом гегелевскую концепцию философии истории «в духе “левых” последователей Гегеля, в первую очередь Маркса» [11, с. 244–245]. Отдельный интерес представляет собой и фрагмент статьи, в котором снова сквозь призму восприятия Кожевным гегелевской «Феноменологии духа» анализируется его религиозная концепция и «философия религии»: здесь находится место и атеистической позиции мыслителя (главным источником которой, по мнению исследователя, можно считать «Бытие и время» М. Хайдеггера), и концепции религиозного опыта как «нуминозного» Р. Отто, и буддизму Хинаяны, и «спиритуализму» русских философов Серебряного века [11, с. 273–288]. Отдельный интерес для читателя и исследователя представляет раздел, посвященный рукописям Кожева (некоторые из которых не опубликованы, другие опубликованы, но не полностью), поскольку мыслитель «почти ничего не опубликовал на протяжении своей жизни» [11, с. 288]. К таковым работам философа относятся «София, фило-софия и феноменология» (обнаруженная в архиве Ж. Батая и по сей день до конца не расшифрованная из-за практически нечитаемого почерка, которым она была написана; Кожев работал над ней ориентировочно в начале 1940-х гг.), «Очерк феноменологии права» (первая значительная работа Кожева, написанная по-французски ориентировочно в 1943 г. и опубликованная в 1981 г.), «Латинская империя. набросок французской внешней политики» (написанный в августе 1945 г. и опубликованный в 1990 г.; данная работа интересна продолжением размышлений философа на религиозную тематику, в частности его обращением к концепции «свободной теократии» и «конца истории» В.С. Соловьева), «Систематический очерк истории языческой философии» (был написан в середине 1950-х гг.; интересен тем,

что сам Кожев его называл «введением в Систему Знания») и т.д. Весьма важное место в монографии занимает и очерк, написанный О.Л. Грановской и посвященный встречам и беседам Кожева и Исаяи Берлина, плавно подводящий читателя к следующему и заключительному разделу книги [11, с. 361–376].

Стоит отметить также, что, несмотря на то, что, по словам А.М. Руткевича, «место учения Кожева во французской философии XX столетия давно описано интерпретаторами» [11, с. 203], творчество философа как фигуры, находящейся «на перекрестке» западной и русской культур, еще нуждается в дальнейшем изучении и «ждет своего исследователя», о чем свидетельствует в книге короткий библиографический список работ, посвященных ему [11, с. 386–387], причем работ на русском языке – всего четыре, и три из них представляют собой труды самого А.М. Руткевича (что может быть расценено не как недостаток рецензируемой монографии, а только как исследовательский вызов, обращенный к историкам русской и западной философии, как это уже было отмечено ранее). Важность и необходимость именно такого исследования, которое «вписало» бы А. Кожева не только в историю европейской, но и русской мысли, подчеркивается и самим автором, когда он с удивлением анализирует существующие франкоязычные (Д. Оффре) и италияязычные (М. Филони) биографии философа, в которых его идеи сопоставляются с «меонизмом» Н.М. Минского, а также с творчеством П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова и А.Ф. Лосева («объявленного, к тому же, гегельянцем!») [11, с. 209–210].

Заключительный раздел монографии посвящен Исаяе Берлину – не менее яркой фигуре, стоящей в одном ряду с А. Койре и А. Кожевным. Как отмечается О.Л. Грановской в очерке, посвященном «философской беседе» Берлина и Кожева, «проблема русскости» исследователями их творчества ставилась всегда [11, с. 361], и как раз в случае с Берлиным может показаться, что у мыслителя, родившегося в дореволюционной Риге и учившегося в Оксфорде, не могло быть даже такой укорененности в русской культурной почве, как у первых двух героев данной монографии, но при этом именно ему было суждено стать одной из крупных фигур западной славистики XX в., что также неоднократно отмечалось и нашими соотечественниками впоследствии [6].

Раздел, посвященный И. Берлину, по своей структуре не сильно отличается от предыдущих: здесь также сначала речь идет о биографии мыслителя, затем дается краткий, но содержательный обзор его творчества. В части, посвященной идейной эволюции взглядов Берлина, особый интерес представляет рецепция идей русских философов и писателей в его творчестве, которые он «не просто излагал, а органично встраивал в свое философское мировоззрение» [11, с. 396]. К таковым относятся А.И. Герцен, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Л.И. Шестов, Ф.М. Достоевский, Н.А. Бердяев и др. Интересным представляется тот факт, что самого себя Берлин во многом считал представителем философского *персонализма*, видя в этом в какой-то мере продолжение идей Бердяева. Примечательными являются и некоторые факты из личной биографии мыслителя, описываемые здесь: личное знакомство с З. Фрейдом, К. Поппером, Б.Л. Пастернаком, М.М. Зощенко, А.А. Ахматовой (последнее име-

ло особое значение для последующего творчества обоих). И хотя «Берлин не строил философской системы» [11, с. 409], в содержательном плане анализа философских и мировоззренческих взглядов Берлина большое внимание уделяется его политической теории, которая начинается для него «с ответа на вопрос, что такое философия вообще» [11, с. 409]. Здесь также интересными являются переключки учения Берлина с доктринами аналитической философии Дж. Остина и Л. Витгенштейна, а также с идеями его наставника по Оксфордскому университету А. Айера. В рамках анализа политической теории Берлина особое внимание уделяется придуманной им «бинарной модели» «Просвещение – контрпросвещение (counter-enlightenment)», на формирование которой во многом повлияли идеи Н. Макиавелли. Кроме этого, достаточно подробно разбираются историческая и антропологическая концепции Берлина, одним из ярких выражений которых стала его работа «Два понятия свободы» («Two concepts of liberty», 1958). Довольно доскональным является и представленный в книге анализ философии истории Берлина, в рамках которой его идеи сближаются с воззрениями таких мыслителей, как П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Г.Г. Шпет, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Р. Коллингвуд, В. Дильтей, М. Вебер, Э. Дюркгейм и др. [11, с. 445]. В плане разбора политической философии Берлина представлен анализ его либералистской и плюралистической концепций. В конце этого довольно подробного очерка делается справедливый вывод о том, что Берлин «открывал Западу русскую интеллектуальную культуру (А.И. Герцена, Л. Шестова и др.) и в этом состояла его философская миссия. Центральной идеей Берлина являлась равнозначность ценностей, но свобода всегда оказывается приоритетной в его работах» [11, с. 507]. Ценным информационным дополнением к основному очерку, освещающему характерные черты личной и творческой биографии Берлина, являются следующие за ним статьи, посвященные его идейному диалогу с М.М. Бахтиным [11, с. 510–525], а также перевод отрывков из его писем Б. Полтановой-Сигульской, являющихся прекрасной иллюстрацией к пониманию важнейшей для всей его философской системы категории свободы [11, с. 526–537].

Подводя общий итог, можно заключить о том, что, несмотря на безусловную самобытность каждого из трех представленных в рецензируемой монографии философов, сама идея представить сейчас на суд мыслящей общественности мыслителей, находившихся «на перекрестках» западной и русской культур, и выявить у признанных классиков западной философской мысли «русские истоки» их творчества как в биографическом, так и в идейном планах представляется по-своему новаторской и очень актуальной в контексте происходящего в наше время непрерывного мирового диалога культурных, национальных и цивилизационных идентичностей. Все вышеотмеченное указывает на то, что данная книга представляет интерес для довольно широкого круга читателей, а включение трех ее героев в контекст истории русской мысли еще получит свое дальнейшее развитие и продолжение на страницах исследовательских работ.

Литература

1. *Ворожихина К.В.* В.С. Соловьев между православием и католичеством: отклики современников // История философии. 2021. Т. 26. № 2. С. 35–45.
2. *Ворожихина К.В.* Лев Шестов и его французские последователи. М.: ИФ РАН, 2016.
3. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Часть первая: Прологомены к чистой логике / Разреш. авт. пер. с нем. Э.А. Берштейн; под ред. и с предисл. С.Л. Франка. СПб.: Образование, 1909.
4. *Койре А.* Памяти Владимира Соловьева (A la mémoire de Vladimir Solovjov) // Звено. 1926. 3 января. № 153. С. 2–3.
5. *Кусенко О.И.* Историко-философские исследования русской мысли в Италии (XX–XXI вв.). М.: ИФ РАН, 2018.
6. *Маслин М.А.* Современные буржуазные концепции истории русской философии. М.: МГУ, 1988.
7. *Мотрошилова Н.В.* «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М.: Феноменология-Герменевтика, 2003.
8. *Мьёр К.Й., Цыганков А.С.* Изучение русской мысли в Норвегии: основные вехи и представители // История философии. 2019. Т. 24. № 1. С. 112–121.
9. *Оболевич Т., Цыганков А.С.* Голландский эпизод в философской биографии С.Л. Франка (новые материалы). М.: ИФ РАН, 2020.
10. *Оболевич Т., Цыганков А.С.* Немецкий период философской биографии С.Л. Франка (новые материалы). М.: ИФРАН, 2019.
11. *Перекрестки культур: Александр Койре, Александр Кожев, Исайя Берлин* / Отв. ред. О.Л. Грановская, Д.Н. Дроздова, А.М. Руткевич. М.: Политическая энциклопедия, 2021.
12. *Черняев А.В., Бердникова А.Ю.* Кризис ренессансного типа культуры в русской и зарубежной мысли: идейные источники трактата Н.А. Бердяева «Новое Средневековье» // Вестник славянских культур. 2020. Т. 58. С. 72–83.
13. *Черняев А.В., Бердникова А.Ю.* Н.А. Бердяев в Берлине: к истории создания «Нового Средневековья» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 4. С. 106–113.
14. *Черняев А.В., Бердникова А.Ю.* Основные вехи рецепции идей трактата Н.А. Бердяева «Новое Средневековье» на Западе // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21. № 3. С. 166–177.
15. *Черняев А.В., Бердникова А.Ю.* Теологическая рецепция идей Н.А. Бердяева на Западе // Христианское чтение. 2020. № 6. С. 166–173.
16. *Черняев А.В., Цыганков А.С.* Н.А. Бердяев в Голландии: к истории католической рецепции русской мысли 1920–1930-х гг. // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2021. Вып. 97. С. 59–72.
17. *Koyré A.* Études sur l'histoire de la philosophie en Russie. Paris: Librairie Philosophique J. Vrin 6, Place de la Sorbonne, 1950.